АВТОР — парадигмальная фигура отнесения результатов той или иной (прежде всего творческой) деятельности с определенным (индивидуальным или коллективным) субъектом как агентом этой деятельности (греч. *autos* — сам); характерна для культурных традиций определенного типа, а именно: с выраженной доминантой ориентации на инновации (лат. *augere* — расти, приумножаться). Максимальное свое проявление обретает в культурах западного образца — начиная с античности, — в силу акцентирования в ней субъектной составляющей деятельности в целом и фокусировки внимания на активности целеполагающего субъекта в частности.

На уровне мышления повседневности это проявляется в практикуемой обыденным языком формуле так называемого «примысленного субъекта»; в грамматических конструкциях, передающих ситуацию безличного процесса [в диапазоне от древнегреческого «Зевс дождит» — до современного английского «it is raining», — в отличие от семантически изоморфных, но структурно принципиально иных «дождит» (русск.), «хмарыцца» (бел.), «ploae» (молд.) и т.п.]. На уровне концептуальных культурных образований данная установка проявляется в особом типе структурирования философских моделей мироздания, предполагающих фиксацию изначального субъекта — инициатора и устроителя космогенеза, трактуемого в данном случае в качестве целенаправленного процесса деятельности данного субъекта (см. Античная философия), — даже при условии очевидной эволюционистской ориентации концепций: от известной критики Платона в адрес Анаксагора по поводу недостаточной амортизации введенного им концепта «нус» — до парадигмальных установок деизма.

Дифференцируясь в различных исторических типах культур, А. может обретать статус субъекта присвоения определенного продукта (феномен авторского права) или объекта инкриминирования определенной (сопряженной с последствиями функционирования этого продукта в социальном контексте) вины: ср. двойную семантику англ. *author* — как «творец» и как «виновник». В традициях, опирающихся на мощную социальную мифологию (от христианизированной средневековой Европы до тоталитарных режимов 20 в.), фигура А. обретает особый статус, выступая гарантом концептуальной и социальной адаптивности идеи. В качестве философской — проблема А. конституируется уже в поздней античности (в неоплатонизме) — как проблема идентификации письменных текстов: прежде всего, гомеровских и текстов Платона. Значительное развитие получает в рамках христианской экзегетики, где разрабатывается каноническая система правил авторской идентификации текста, основанная на таких критериях, как: качественное (в оценочном смысле) и стилевое соответствие идентифицируемого текста с уже идентифицированными текстами определенного А.; доктринальное непротиворечие этого текста общей концепции А., которому приписывается данный текст; темпоральное совпадение возможного хронологического отрезка написания данного текста, определяемого как содержательно (по упоминаемым в тексте реалиям), так и формально (по показателям языкового характера), с периодом жизни субъекта адресации данного текста

(Иероним). В рамках герменевтической традиции А. обретает статус ключевой семантической фигуры в процессе интерпретации текста: понимание последнего полагается возможным именно (и лишь) посредством реконструирования исходного авторского замысла, т.е. воспроизведения в индивидуальном опыте интерпретатора фундирующих этот замысел фигур личностно-психологического и социокультурного опыта А., а также сопряженных с ним смыслов. В ходе разворачивания традиции философской герменевтики данная установка эволюционирует — в режиме *crescendo* — от выделения специального «психологического аспекта интерпретации»; в концепции Дильтея — до обоснования «биографического анализа»; как тотально исчерпывающей методологии интерпретации у Г.Миша.

Философская традиция аналитики текстовых практик (рассказов) эксплицитно фиксирует особый статус А. как средоточия смысла и, что было оценено в качестве фактора первостепенной важности, носителя знания о предстоящем финале истории (см. Нарратив). По последнему критерию А. радикально отличается от другого выделяемого в контексте нарратива субъекта — его «героя», который, находясь в центре событий, тем не менее, лишен знания тенденции их развития и представлений о перспективах ее завершения (Бахтин о выраженном в приеме не прямой речи различии А. и персонажа в случае ведения повествования от первого лица; Арэнд о фигуре хора в греческой трагедии как выражающего позицию А. как содержательно объективированную, — в отличие от позиций персонажей как выражающих субъективную идентификацию;

Ингарден о деятельности историка как авторского «внесения фабулы»; в историческое повествование; Ф.Кермоуд о фундаментальном для наррации «смысле завершения» и т.п. — ср. с платоновским сравнением не видящего конца своего пути человека с марионеткой в руках всевидящих богов, играющих с ним и по своему усмотрению моделирующих финал игры). Сопряжение с фигурой А. такой функции, как предвидение финала, проявляется в различных областях европейской культуры — как в очевидно телеологически артикулированных (христианская идея Провидения), так и предельно далеких от телеологии (например, идея А.Смита о «невидимой руке», ведущей меновой рынок к определенному состоянию). В философии постмодернизма понятие «А.» переосмыслено в плане смещения акцента с индивидуально-личностных и социально-психологических аспектов его содержания — на аспекты дискурсивно-текстологические. В границах такого подхода имя А. обретает совершенно особый статус: при сохранении всех параметров индивидуализации (ибо имя А. сохраняет все характеристики имени собственного), имя А., тем не менее, не совпадает ни с дескрипцией, ни с десигнацией (ибо сопрягает имя собственное не столько с персоной, сколько с адресуемым этой персоне текстовым массивом, помещая в фокус внимания не биографию индивида, а способ бытия текстов).

Более того, А., с этой точки зрения, отнюдь не тождествен субъекту, написавшему или даже непосредственно подписавшему тот или иной текст, т.е. фигура А. может быть атрибутирована далеко не любому тексту (например, деловой контракт, товарный

реестр или запись о назначенной встрече) и — более того — не любому произведению (ибо само понятие произведения подвергается в постмодернизме не только проблематизации, связанной со сложностью определения и выделения произведения как такового в массиве текстового наследия того или иного А., но и радикальной критике — см. Конструкция). В данном контексте фигура А. мыслится постмодернизмом как не фиксируемая в спонтанной атрибуции текстов некоему создавшему их субъекту, но требующая для своего конституирования особой процедуры (экзегетической по своей природе и компаративной по своим механизмам), предполагающей анализ текстов в качестве своего рода дискурсивных практик. А., таким образом, понимается "не как говорящий индивид, который произнес или написал текст, но как принцип группировки дискурсов, как единство и источник их значений, как центр их связности"

(Фуко). Или, иначе, "автор — это принцип некоторого единства письма", и фигура А. "характерна для способа существования, обращения и функционирования дискурсов внутри того или иного общества" (Фуко).

Центральными функциями А., понятого подобным образом, выступают для постмодернизма: 1) классификация (разграничения и группировки) текстов, 2) установление отношений (соотношений) между текстовыми массивами, 3) выявление посредством этого определенных способов бытия дискурса. (По оценке Фуко, "Гермес Трисмегиста не существовало, Гиппократ тоже — в том смысле, в котором можно было бы сказать о Бальзаке, что он существовал, но то, что ряд текстов поставлен под одно имя, означает, что между ними устанавливается отношение гомогенности или преемственности, устанавливается аутентичность одних текстов через другие, или отношение взаимного разъяснения, или сопутствующего употребления".) Постмодернизм выделяет А. двух типов, дифференцируя А., погруженного в определенную дискурсивную традицию, с одной стороны, и А., находящегося в так называемой "трансдискурсивной позиции", — с другой. Последний характеризуется тем, что не только выступает создателем своих текстов, но и инспирирует возникновение текстов других А., т.е. является зачинателем определенного (нового по отношению к наличным) типа дискурсивности.

Фуко называет такого А. — *istraurateur* (учредитель, установитель) в отличие от *fondateur* (основателя), т.е. основоположника традиции дисциплинарного знания, предполагающей — на всем протяжении своего развития — сохранение доктринальной идентичности. *Istraurateur* же не только создает своим творчеством возможность и парадигмальные правила образования других текстов строго в границах конституируемого типа дискурса, но и открывает простор для формирования текстов принципиально иных, отличных от произведенных им и могущих входить с последними в концептуальные противоречия, но, однако, сохраняющих релевантность по отношению к исходному типу дискурса. В качестве примера А. подобного типа Фуко называет Фрейда и Маркса, ибо, по его оценке, в рамках традиций как психоанализа, так и марксизма имеет место не просто игра по сформулированным их основоположниками правилам, но "игра истины" в полном смысле этого слова, предполагающая — при

радикальной трансформации исходных содержательных оснований — регулярное «переоткрытие А.», «возврат» к его дискурсу, осуществляющийся «в своего рода загадочной стыковке произведений и А.» (Фуко). Наряду с подобным переосмыслением, фигура А. в контексте философии постмодернизма подвергается также радикальной критике.

В рамках парадигмальных установок постмодернизма фигура А. воспринимается сугубо негативно, а именно: как референт внетекстового (онтологически заданного) источника смысла и содержания письма, как парафраз фигуры Отца в его классической психоаналитической артикуляции (см. Анти-Эдип), как символ и персонификация авторитета, предполагающего наличие избранного дискурса легитимации и не допускающего варьирования метанаррации, а также как средоточие и метка власти в ее как метафизическом, так и непосредственно социально-политическом понимании. — Таким образом фигура А. фактически оказывается символом именно тех парадигмальных установок философской классики и модернизма, которые выступают для философии эпохи постмодерна предметом элиминирующей критики, что находит свое разрешение в артикулируемой постмодернизмом концепции «смерти А.» (см. также "Смерть субъекта").

М.А. Можейко